

О чистой красоте и ценностях культуры¹

Размышления над книгой Л. А. Калининкова
«Философско-поэтическое мировоззрение А. А. Фета:
влияние И. Канта и А. Шопенгауэра»
(Калининград : Изд-во Балтийского федерального университета
им. И. Канта, 2016. 209 с.)

Когда-то давно-давно мы с женой возвращались поздним вечером из гостей, я нес маленькую дочь на руках, которая уже к тому времени спала; вдруг она проснулась и впервые увидела над собой темное небо и звезды. И, пораженная этим зрелищем, с удивлением спросила: «Это что такое, отечек?». Небо в Академгородке под Новосибирском не было тогда освещено ночными фонарями, и звезды сияли так, как они всегда светили, пока индустриальная электрическая цивилизация своим заревом над городами не заслонила звездное небо над нами.

Читая новую книгу Леонарда Александровича Калининкова об Афанасии Афанасьевиче Фете и восприятию им Иммануила Канта и Артура Шопенгауэра, я невольно вспомнил этот давний эпизод, и не только вспомнил, но и, как когда-то моя маленькая дочь, удивился. Удивился тому, что в наше время, время бешеных скоростей во всем — в передвижениях, продвижениях, выдвиганиях — есть люди, которые способны замереть перед такими строчками стихов, которые принципиально, решительно не могут читаться на бегу или в метро, а требуют неспешного вчитывания и размышления.

Фет — угасшим звездам:

Долго ль впивать мне мерцание ваше,
Синего неба пытливые очи?
Долго ли чужая, что выше и краше
Вас ничего нет во храмине ночи?

Может быть, нет вас под теми огнями:
Давняя вас погасила эпоха; —
Так и по смерти лететь к вам стихами,
К призракам звезд буду призраком вдоха.

Калининков: «Поэзия нерасторжимо переплетена здесь с философией, а та и другая — с космологией и космогонией. Как свет связывает в одно целое мир звезд, переживших гравитационный коллапс, и тех, которые продолжают активно жить, так и стихи объединяют человечество. Связывают в целое творцов культуры, перешедших грань настоящего, с теми, кто

---

¹ В рамках гранта РГНФ «Логика смысла и постулаты действия» (№15-03-00181).

Поступила в редакцию: 19.04.2016 г.

doi: 10.5922/0207-6918-2016-3-9

© В. А. Конев, 2016

не только есть, но и будет» (с. 38). Но это не комментарий к стихам — это было бы пустым делом. Нет, Л. А. Калинин слышит в словах поэта возможные отголоски рассуждений Шопенгауэра о невечности звезд в его диссертации «О четверояком корне закона достаточного основания», которую Фет переводил, отголоски критики Шопенгауэром «Третьей аналогии опыта» из «Критики чистого разума» Канта. Конечно, обычному читателю этого стихотворения Фета нет дела ни до диссертации Шопенгауэра, ни до Кантовой третьей аналогии опыта. Они для него пустой звук, он, скорее всего, о них и слышать не слышал. Но для Фета-то они не были пустым звуком, он не просто читал их, он думал над ними, он изучал их. Они жили в его сознании, а потому и образы, которые рождались в воображении поэта, не могли не преломлять в себе их смыслы и содержание. Вот такое преломление шопенгауэровских и кантовских идей в поэтической картине мира Афанасия Афанасьевича Фета и исследует Калинин. Ученый смотрит на стихотворение как на хрустальный кристалл, грани которого отражают идеи великих философов, но свет которого первороден и принадлежит самому поэту. Калинин видит отблески знаменитого афоризма Канта, венчающего «Критику практического разума», о звездном небе и нравственном законе, во всем творчестве Афанасия Фета: у поэта стихи без звезд редки, а закон красоты, добра и справедливости пронизывает все творчество великого поэта и горит в его груди «сильней и ярче всей вселенной».

Исследование А. Л. Калиникова крайне интересно тем, что оно не только освещает конкретную тему — философско-поэтическое содержание мировоззрения А. А. Фета, — но и убедительно показывает, что признанные во всем мире величие и мощь русской литературы XIX века коренятся в глубокой связи этой литературы с мировой философской мыслью. Великие русский писатели — Пушкин, Тургенев, Достоевский, Толстой, великие литературные критики — Белинский, Чернышевский, Писарев, Страхов не только были знакомы с именами европейских мыслителей, но и основательно осваивали их идеи применительно к интересам и потребностям российского общества. Русская литература XIX века в отечественной культуре того времени выполняла ту же роль, что немецкая или французская философия в предшествующем веке: именно здесь было представлено самосознание общества, именно здесь осмысливались важнейшие проблемы общественной и частной жизни. Творчество А. А. Фета, в представлении Калиникова, является убедительным примером этой роли русской литературы.

Кажется странным, как поэт, убежденный сторонник искусства для искусства, певец чистой красоты, может быть представителем такой литературы, которая реально выступала практическим разумом российского общества. Действительно, творчество Фета, как показывает Калинин, не находило поддержки ни в демократических кругах, ценивших и признававших поэзию Н. А. Некрасова, ни у сторонников официозного охранительного триединства самодержавия, православия и народности. Но вот ушла в прошлое ситуация острейшего идеологического противостояния, и обнаруживается любопытный момент, свидетельствующий, что сиюминутные задачи и цели вдохновляются долговременными, даже вечными стремлениями человечества, что призыв к вечным идеалам актуален всегда, что постоянно нужен абсолютный ориентир (с. 165). И такой ориентир, показывает Калинин, существовал и получал выражение в поэзии Афанасия Афанасьевича Фета. Чистота искусства для Фета заключалась в том,

что «оно конституирует мир ценностей и с высот этого идеального мира оценивает действительность», что произведение искусства несет в себе «взаимодействие, борение человеческих ценностей, аксиологических проблем, через разрешение которых происходит настройка как личных целей, так и социальных» (с. 195).

В этих взглядах Фета на искусство находят свое отражение как идеи Шопенгауэра, видевшего в искусстве способность освобождения от мира и погружения в нирвану, так и идеи Канта, представляющего суждение вкуса чисто созерцательным суждением, а искусство — способом представления целесообразности без цели. Однако в то же время, как справедливо утверждает Калинин, Фет самостоятелен в понимании искусства: это то поэтическое видение мира, которое ясно и отчетливо представлено в каждом стихотворении поэта. Сам Фет определяет это так: «...поэзия, или вообще художество, есть чистое воспроизведение не предмета, а только одностороннего его идеала; воспроизведение предмета было бы не только ненужным, но и невозможным его повторением» (с. 174). А вот Вл. Соловьев как профессиональный философ дает этому чисто философское определение: «Истинное поэтическое вдохновение... видит абсолютное в индивидуальном явлении... Нужно признать его безусловную ценность, увидеть в нем не что-нибудь, а фокус всего, единственный образчик абсолютного» (с. 172). Чистое искусство в понимании Фета культивирует способность человека видеть мир в его жизненной силе, что и открывает красоту, — так же, как чистый разум в понимании Канта (а Фет, как показывает Калинин, не просто читает кёнигсбергского мыслителя, а штудирует его труды) культивирует способность человека к абстрактному познанию.

Анализ взглядов Фета на природу искусства дается Калининским в заключительной главе книги. Этот анализ венчает исследование философско-поэтического мировоззрения поэта, что свидетельствует о продуманности автором композиции своей работы. В предшествующих главах Калинин показал, насколько широк был философский кругозор русского поэта.

Философский мир Фета — это синтез идей от Платона и Лукреция Кара до Канта и Шопенгауэра. Работа поэта над первым переводом на русский язык главного труда Шопенгауэра «Мир как воля и представление» не только вызвала восхищение идеями мыслителя из Данцига, но и поставила Фета перед необходимостью упорядочить собственные философские представления. Сам поэт пишет в письме к Н.Н. Страхову: «Я explicitе нашел в нем все то возведенным в логические понятия, что знал непосредственно всю жизнь» (с. 63). Но Афанасий Афанасьевич Фет не стал «правовверным шопенгауэрианцем», утверждает Калинин, хотя это мнение стало расхожим среди литературоведов, изучающих творчество русского поэта. Это особенно ясно проявляется в том, как поэт осмысляет свое отношение к Шопенгауэру и Канту, в том, как он поправляет Шопенгауэра с помощью Канта. Не мог Л.А. Калинин, всю свою научную жизнь посвятивший преданному служению Канту, «отдать» любимого поэта Шопенгауэру!

Одним из важных положений своего исследования Калинин считает то, что проблема философско-поэтического мировоззрения Фета много сложнее традиционной точки зрения на нее. Отечественному исследователю было важно показать, что поэт Фет — отнюдь не беззаботный певец красот природы и жизни, а поэт-мыслитель, поэтическое мировоззрение кото-

рого формируется и постоянно удерживается мощными силовыми линиями мирового философского поля. Философу Калининкову это блестяще удается; достаточно обратиться к одному из лучших параграфов книги (гл. IV, § 2), в котором он анализирует цикл из трех философских раздумий русского поэта. Параграфу предпослан знаковый эпиграф из письма А. А. Фета Л. Н. Толстому: «Лира без kategorischer Imperativ никому не нужна, а только потянет на глупость и бездарность ума, хотя Imperativ еще не гарантия хорошего», — и дальше показывается, как в стихах «Никогда», «Не тем, господь, могуч, непостижим...» и «Ничтожество», которые Калининков объединяет в поэтический триптих, философские мотивы переплавляются в поэтические смыслы (с. 100–115).

В книге Л. А. Калининкова затрагиваются и рассматриваются разные стороны духовной жизни А. А. Фета: отношение поэта с Л. Н. Толстым, с которым его связывала долгая дружба, несмотря на то, что с толстовством Фет полемизировал; его отношения с критиком Н. Н. Страховым; подробно останавливается исследователь и на отношении Фета к религии как в ее православной, так и в протестантской ипостаси, на идеологических взглядах поэта. Но какую бы сторону творческой жизни поэта ни делал автор книги предметом своего рассмотрения, везде и всегда чувствуется его неизменная любовь и восхищение гениальным поэтом. Конечно, всякое приращение в научном исследовании может привести к каким-то смещениям в оценках, к предвзятости в выборе материала и т. п. Думаю, что и в исследовании Калининкова есть такие моменты: например, он деликатно обходит обсуждение оценок, которые Фет дает простому народу, его отношения к крестьянству, к реформе 1861 года.

Но в том контексте, в котором развивается исследование Калининкова, — в контексте анализа философско-поэтического мировоззрения — эти упущения малосущественны. Смысл исследования Калининкова, как я его представляю, — в том, чтобы как можно ярче высветить главную мысль: Фет осознанно руководствовался идеей «просветлять высшими и конечными ценностями значимость текущих задач и действий» (с. 165). В утверждении этой мысли, а она последовательно и настойчиво развивается на протяжении всего текста, заключена актуальность книги Калининкова.

Мы живем совсем в другое время. Тогда, во второй половине XIX века, фетовское служение чистой красоте казалось неактуальным. Прагматизм господствовал в культуре, чему способствовало парадное развитие техники, поражавшее воображение все новыми и новыми достижениями. Даже шопенгауэровское и ницшеанское возвеличивание воли вполне укладывалось в эту парадигму — все может сила, все может воля. Нужно только правильно все рассчитать (или отдаться воле) и энергично воплотить идеи (или стремления) в материал и в организации.

Первым «звонком», свидетельствующим о том, что что-то неладное творится в «датском королевстве» техногенной цивилизации, стала гибель «Титаника». Огромный корабль — воплощение всех достижений науки и техники, демонстрация гордости и роскоши цивилизации, олицетворение силы человеческого гения — под ликование всего европейского общества отправляется в свое первое плавание. Но страшная авария прерывает первый же рейс чудо-лайнера и уносит жизни сотен людей. Гордость обернулась гордыней. Не стал ли ночной айсберг напоминанием человеку о необходимости быть скромнее, о том, что при решении глобальных задач не

стоит забывать о простых, но важных вещах — о необходимом количестве шлюпок, о добросовестности на посту, о внимательности к информации и т.п. Первая половина XX века — это непрерывная череда таких «предупреждений» человеку.

Здесь не место разбирать причины кризиса техногенной цивилизации, разрушения сложившихся укладов жизни, возникновения ситуации перманентного обновления, рождения «транзитивного» общества. Все это поставило человека перед необходимостью быть в постоянном движении. Идея креативности пронизывает все стороны его жизни. Кто не успел, кто не успешен, кто не креативен — тот выпал из поля внимания окружения. Борьба за признание, за место на «подиуме» сменяет (уже сменила!) даже стремление к выгоде. В этой ситуации господства свободы в современном обществе, где человек не просто свободен, а, по известному выражению, *обречен* на свободу, не оказалось *ориентиров* свободы. Вот почему, как мне кажется, в этом всё принимающем «постмодерном» образе жизни и стиле мысли появляется, зарождается тяга к определенности, к стабильности, хотя это еще не стало «модным трендом». А поэтому наступает время обращения к ценностям, освященным традициями мировой культуры. И поэзия Афанасия Афанасьевича Фета, которая была и остается полем жизни сокровенных ценностей культуры, именно сейчас обретает абсолютно современное звучание. Ее начинает слышать наше сознание; душа, обремененная мельтешением новаций и информационных, становится отзывчивой на созерцание и размышление. А может быть, и небо со своими звездами будет иногда захватывать наше внимание, пусть хотя бы тогда, когда мы окажемся за городом.

В. А. Конев,
д-р филос. наук, проф.,
Саратовский исследовательский университет
им. С. П. Королёва